

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава IV. Первые церковно-реформаторские действия патриарха Никона

Вступление Никона на патриаршую кафедру. Он разрывает свои прежние близкие отношения к провинциальным ревнителям. Причины и ближайшие последствия этого поступка Никона. Первое реформаторское действие Никона: распоряжение его о поклонах и перстосложении. Протест против этого распоряжения со стороны провинциальных ревнителей благочестие. Расправа с ними Никона. Действительные отношения между Никоном патриархом и царским духовником протопопом Степаном Вонифатьевичем. Собор 1654 года, уполномочивавший Никона произвести книжные исправления. Впечатление, произведенное собором 1654 года на русское общество. Слабые стороны собора 1654 года.

15 апреля 1652 года умер патриарх Иосифе. Преемник ему уже ранее был predetermined царем и его духовником, протопопом Стефаном Вонифатьевичем. Это был новгородский митрополит Никоне, который в то время возвращался из Соловецкого монастыря в Москву с мощами св. митрополита Филиппа. Царь, извещая Никона о смерти п. Иосифа, писал ему: «возвращайся, Господа ради, поскорее к нам, обирать на патриаршество именем Феогноста, а без тебя отнюд ни за что не примемся... ты, владыко святой, помолись... чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему Свету годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополите, да отец мой духовный»¹.

С другой стороны и члены кружка ревнителей благочестия сильно были заинтересованы вопросом, кого избрать патриархом на место умершего Иосифа, так как они, благодаря Стефану Вонифатьевичу, уже привыкли вмешиваться и дела по замещению разных иерарших кафедр. Того обстоятельства, что вопрос о новом патриархе уже давно и окончательно был решен царем и Стефаном Вонифатьевичем, они совсем не знали, а потому считали себя призванными позаботиться о выборе преемника Иосифу. Естественно, что они пожелали иметь патриархом одного из членов своего кружка. Самым лучшим, казалось им, избрать патриархом главу и патрона кружка — Стефана Вонифатьевича. Но, как и следовало ожидать, Стефан решительно уклонился от сделанного ему предложения, и указал своим друзьям на Никона, как на самого подходящего кандидата в патриархи. Они согласились с Стефаном и подали царю челобитную о Никоне, так как по их тогдашнему мнению, после отказа Стефана, Никон был самым подходящим и желанным лицом для занятия патриаршей кафедры².

¹ Ак. эк. IV, № 57.

² Как и при каких условиях произошло избрание Никона в патриархи и какую роль в этом деле играли ревнители, об этом Аввакум сообщает следующее: «Посем Никон, друг ваш, привез из Соловок Филиппа митрополита. А прежде его приезде, духовник Стефан моля Бога и постясь седмицу с братиею, и Я с ними тут же, в патриархе, да даст Бог пастыря ко спасению душ наших. И с митрополитом Казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он

Никон принадлежал к кружку ревнителей благочестия, был одним из самых видных и деятельных его членов, находился как к Стефану, так и к другим ревнителям, в близких дружественных отношениях. Впоследствии Неронов говорил Никону, уже патриарху: «прежде сего совет имел ты с протопопом Стефаном, и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приезжал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был в игумнах, и в архимандритех, и в митрополитех. А которые боголюбцы посланы государем блаженные памяти ко Иосифу патриарху, чтоб ему поставити, по его государеву совету, оных в митрополиты, и во архиепископы и епископы, иных в архимандриты, и игумены и протопопы, а ты с государем духовником протопопом Стефаном тогда был в советах и не прекословил нигде, а на поставлении их не говорил: неаксиос, сиречь недостоин. Тогда у тебя вси непорочнии были, а ныне у тебя те же люди недостойнии стали.... Доселе ты друг наш был — на нас востал». В письме к царице из Спасокаменного монастыря Неронов жалуется, что он и братия страдают теперь «но древле от любимаго нами по Бозе, ныне же честь взявша и переменишася». Игумен Феоктист в письме к Стефану Вонифатьевичу говорит, что «братия» страдает теперь «не от врага, по Бозе от отца и от любезного нам древле зело, ныне же, грех ради наших, жестока бывша к нам и горка зело дотолика, яко и смерть у кождо нас пред очима»³. Сделавшись новгородским митрополитом, Никон деятельно и энергично осуществлял в своей епархии идеи ревнителей и поддерживал с ними, особенно со Стефаном, прежние близкие дружеские отношения. Так, отправляясь на Соловки за мощами св. митрополита Филиппа, Никон поднес в дар Стефану дорогую шапку для церковного служения⁴. В росписи книг и писем, взятых при обыске у игумена Феоктиста в Вятке, между прочим значится: «отписка преосвященного Никона митрополита новгородского к духовнику Стефану Нифантьевичу, ево руки, на трех столбцах», из чего можно заключить, что Никон, сделавшись новгородским митрополитом, находился в переписке с Стефаном⁵. Даже по возвращении своем из Соловецкого монастыря, когда Никон уже хорошо знал, что царь предназначил его в патриархи, он воспешил явиться, по свидетельству Аввакума, к Стефану и другим ревнителям с поклоном и ласками, будто бы в тех видах, чтобы снова подтвердить свою полную солидарность с кружком ревнителей и не встретит с их стороны какой либо помехи в достижении им патриаршества.

Несомненно, что кружок ревнителей благочестия, выставляя Никона кандидатом в патриархи, видел в нем не только своего личного друга, но и человека, казалось ему, вполне разделявшего все взгляды и убеждение ревнителей. Неронов говорил впоследствии Никону патриарху: «святитель, иноземцев ты законоположение хвалишь и обычаи тех приемлешь, благоверны и благочестнии тех родители нарицаешь, а прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривал: гречане де и малые Росии потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой де и честь тех прелестила, и своим де

же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь его и послушал. Егда же приехал (Никон из Соловок) с нами яко лис челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах и что бы откуля помешка какова не учинилась». В другом месте Аввакум говорит о том же: «в лета 7160 году, «июня в день, по пущению Божию вкрался на престол патриаршеский бывший поп Никита Минич, в чернцах Никон, обольстя святую душу протопоба духовника царева Стефана, являлся ему яко ангел, внутрь сый диавол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И аз окаянной о благочестивом патриарх к челобитной приписал свою руку; ано врага выпросили и беду на свою шею». (Матер. для ист. раск. т. V, стр. 17. 261—262)

³ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 47, 82, 110.

⁴ Временник моск. Общ. Ист. и Древн.кн. Хиин, стр. 32

⁵ Матер. для ист. раск, т. I, стр. 331—332.

нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестие ни мало»⁶. Из этих слов Неронова очевидно, что ревнители видели в Никоне, до его патриаршества, человека их убеждений и воззрений, и потому не имели никаких особых причин противиться кандидатуре Никона, на которого к тому же указывал сам Стефане. С избранием Никона у ревнителей даже соединялись особые надежды: они рассчитывали при нем играть более видную и деятельную роль в церковных делах, нежели какую они играли при Иосифе, так как видели в Никоне не врага, а своего друга, единомышленника и даже свою креатуру. Впоследствии игумен Феоктист писал Стефану Вонифатьевичу, что ревнители желали бы видеть его своим отцом и учителем в вере, т. е. патриархом на место Никона, так как они ожидают от него, что он будет строить мир церкви «внимая прилежно отца Иоанна (Неронова) глаголом». Конечно и от Никона ревнители ожидали прилежного внимания глаголам отца Иоанна и других братьев. Но провинциальным ревнителям пришлось скоро и горько разочароваться в своем бывшем друге, единомышленнике и избраннике в патриархи, на которого они возлагали столько надежды. Никон, сделавшись патриархом, решительно и резко порвал все прежние связи с провинциальными ревнителями, и даже стал к ним прямо во враждебные отношения.

Никон в последнее время окончательно примкнул во взгляде на характер предстоящей церковной реформы к программе царя и Стефана и, конечно, обязался пред ними держаться ее и выполнить по своему вступлении на патриарший престол, причем царь и Стефан должны были служить ему опорой и поддержкой в этой его деятельности. При таких обстоятельствах кружок провинциальных ревнителей, иначе понимавший и представлявший себе задачи предстоящей церковной реформы, был теперь для Никона не только не нужен, но еще стеснял его, мешал ему своими притязаниями, своим беспокойным стремлением вмешиваться во все церковные дела и направлять их сообразно своим убеждениям и идеалам. Кроме того: уже по самому своему характеру Никон не терпел ничего, что не подчинялось ему безусловно, не терпел ни малейшего ограничения своего самовластия, не выносил никакого противоречия себе. Он хотел быть патриархом на всей своей воле: ни царь, ни бояре, никто не должен был вмешиваться в его патриаршую деятельность, все обязаны были беспрекословно исполнять его архипастырские распоряжения. Недаром Никон, вступая на патриаршую кафедру, заставил публично умолять себя царя, бояр и весь народ, недаром он взял с них клятву, что все они и во всем беспрекословно будут слушаться своего нового отца и архипастыря. Он видел, в какое жалкое, прямо унижительное положение поставил кружок ревнителей (впрочем не без участия и самого Никона) предшественника его патриарха Иосифа, как кружок вершил разные церковные дела, не обращая внимания на бессильного, публично оскорбляемого им патриарха. С Никоном этого не случится: он будет крепко стоять во всеоружии патриаршей власти, высоко над всеми поднимет ее знамя, так униженное при его предшественнике, он поставит ее рядом с властью самого великого государя, и даже его заставит покориться ему — патриарху во всех духовных и церковных делах. Отныне всеми церковными делами будет управлять только он, святейший Никон патриарх; от него, как главы церкви, будет исходить вся власть, все церковные распоряжения; всякий иной источник власти, всякое иное движение, не исходящее от него патриарха, он вырвет с корнем; его архипастырской воле не будут противиться даже сам царь и бояре — они публично клялись ему в этом. Очевидно при Никоне патриархе кружку ревнителей, с его притязаниями заправлять и руководить всеми церковными делами, не было места.

⁶ Ibid. стр. 150.

Но, с другой стороны, и ревнители, согласившись на избрание Никона патриархом, вовсе не думали вместе с этим устранить от дел, отказаться от руководящей роли в церковных делах, от приобретенного ими ранее общественного значения и влияния. Напротив, они рассчитывали, с восшествием Никона на патриаршую кафедру, играть еще более видную и деятельную роль, думали быть при Никоне душою и главными деятелями в управлении церковными делами. Понятно теперь, как должны были ревнители, мнившие под рукою Никона вершить все церковные дела, отнестись к своему бывшему другу, единомышленнику, когда он, сделавшись патриархом, не только не стал советоваться с ними, но даже перестал пускать их и в крестовую! Понятно, какое озлобление, какую страстную, непримиримую ненависть должны были почувствовать к Никону особенно более пылкие члены кружка, почему они до конца жизни имели о нравственном характере Никона самое нелестное представление, почему они никогда уже более не верили ему и во всей его деятельности видели одно только дурное, под все его поступки подкладывали всегда самые нечистые и низкие мотивы. Понятно также, что ревнители вовсе не думали мириться с тем опальным положением, на которое так для них неожиданно осудил их бывший их друг и единомышленник, понятно, что они не хотели сойти со сцены молча, не хотели без борьбы поступиться своим прежним очень видным, почетным и влиятельным положением. Ранее ревнители боролись, и довольно успешно, с патриархом Иосифом, ничто не препятствовало им вступить в борьбу и с преемником Иосифа. Царь по-прежнему хорошо относился к ревнителям, в самой царской семье они пользовались уважением и влиянием⁷, связи их с знатными боярскими домами были обширны и крепки, члены кружка были тесно сплочены и готовы всячески постоять друг за друга, во главе их по-прежнему стоял сильный и влиятельный царский духовник, во всем и вполне, казалось им, солидарный с ними. И по самому характеру своих членов кружок ревнителей не был способен остаться в спокойном, выжидательном положении, он уже ранее привык действовать, бороться, обличать, привык о всем говорить публично, всенародно. И кружок действительно заговорил по своему обычаю не стесняясь, резко и очень обидно для нового патриарха: недаром же в похвалу членам кружка ставилось то, что они говорили «не обинующая лиц сильных, по пророку Давиду, пред цари глаголюща и не стыдящаяся». А между тем Никон вовсе не принадлежал к числу таких лиц, которые спокойно выслушивают от других разные обличения и назидания и относятся к ним спокойно и равнодушно.

Так естественно и необходимо, в силу особенностей характера Никона и ревнителей, в силу их предшествующих личных отношений, должна была между ними произойти борьба. Но если бы эта борьба происходила, как некоторые думали, только на почве одних личных отношений, если бы они боролись только из-за власти и влияния, если бы между ними только решался вопрос о том, кто будет в действительности управлять делами русской церкви: Никон или кружок ревнителей; то эта борьба не имела бы никакого особенного важного значения для всей русской церкви и всего народа, не вышла бы из границ обыкновенной придворной интриги, не перешла бы в народ, не вызвала бы раскола в русской церкви. Если же случилось совершенно противное, то, значите, борьба ревнителей с Никоном далеко не исчерпывалось их личными только отношениями, а имела под собою более глубокую и широкую основу, которая создала возможность перенести эту борьбу из узкой сферы столкновений дворцовых парий на

⁷ Священник московского Казанского собора Иван Данилов в 1653 г. писал Неронову в Спасокаменный монастыре следующее: «и без тебя государь, не единого нам корму не было; а побии челом Анне Михайловне (сестре государя) о кормахе, чтобы печаловалася о нас; и она сказала: и впредь де не будет вам ничево, молилися де, да и вымолили Ивана Неронова вон». (Матер. для ист. раск. т. I. стр. 32—33).

широкую арену народной борьбы, народного дела, которая дала возможность заинтересовать в ней и знатного книжного аристократа, и простого грамотного крестьянина, и архиерея и убогого инока, — словом, лиц всех рангов, общественных положений и состояний. Эта борьба уже давно пережила не только ее первых зачинщиков и их ближайших последователей, но и целый ряд последующих поколений, а между тем она не прекратилась, она с полной силой продолжается и доселе, и мы сами, отделенные от начала борьбы веками, волей-неволей являемся, так или иначе, ее активными участниками и продолжателями. Ясное дело, что видеть начало и причину этой вековой борьбы только в личных отношениях, объяснять ее возникновение только личными счетами начавших борьбу, значит заключение выводить не из надлежащих посылок.

Никон, сделавшись патриархом, решительно порвал не только свои прежние, очень близкие связи с ревнителями, стал к ним во враждебные отношения, лишив их прежнего влияния на дела церковные, но вместе с этим он отрицательно и враждебно отнесся и к тем воззрениям и идеалам, представителями и деятельными поборниками которых были провинциальные ревнители. Разрыв между ними и Никоном шел, значит, с самого начала, гораздо дальше простых личных счетов и столкновений: это был разрыв лиц решительно разошедшихся между собою во взглядах и убеждениях, разрыв лиц, одинаково желавших и стремившихся к реформе в наличных порядках русской церкви, но совершенно различно понимавших исходную точку, задачи, цели и объем реформы, способы и средства, которыми она должна быть проведена. В этом различии собственно и заключается вся важная и серьезная сторона столкновения Никона с кружком провинциальных ревнителей, здесь именно лежали причины, придавшие борьбе Никона с ревнителями широкий народный характер, вызвавший и распространивший в русской церкви раскол. В борьбе Никона с провинциальными ревнителями решался, впрочем, не один только церковный, но и в высшей степени важный для всей последующей русской жизни общественно-культурный вопрос: останется ли Русь при своих старых идеалах, воззрениях, задачах и целях, как они определились у нас под влиянием Флорентийской унии и падения Константинополя; или же русское общество уже выросло из того платья, которое было сшито ему по мерке книжников конца XV и первой половины XVI века? Победа Никона означала бы отречение от прошлого, с его особыми своеобразными идеалами, целями и стремлениями, означала бы признание самим русским обществом несостоятельности его прежней жизни, необходимости ее реформы, перестройки на новых началах, в виду иного понимания ее задач и целей. Напротив победа провинциального кружка ревнителей благочестия над Никоном показала бы, что прежние устои и основы русской жизни стоят еще прочно и крепко, что русская жизнь вовсе не нуждается в каких-либо коренных реформах в новых путях, в всестороннем обновлении, а будет продолжаться по-прежнему, будет держаться за прежние идеалы и весь связанный с ними строй понятий и действий. В таком или ином решении этих вопросов, повторим, и заключался весь смысл, все великое для последующей русской жизни значение ожесточенной, страстной, обостренной личными отношениями, борьбы между Никоном патриархом и кружком провинциальных ревнителей благочестия.

Первое реформаторское действие Никона: распоряжение его о поклонах и перстосложении.

25 июля 1652 года Никон был поставлен в патриархи, и уже чрез несколько месяцев между ним и кружком провинциальных ревнителей благочестия произошло открытое столкновение по поводу следующего распоряжения Никона, которое он разослал по всем

московским церквам, пред наступлением великого поста 1653 года: «по преданию св. Апостол и св. отец не подобает в церкви метание творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились».

Это неожиданное единоличное распоряжение нового патриарха, покушавшееся изменить старый привычный церковный Никон открыто и решительно объявляет ему войну. Протопоп Аввакум говорит, что когда получено было распоряжение Никона, «мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чудове, — седмицу в палатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: время приспе страдания! Он же мне, плачучи, сказал; тоже Коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем сжег в Новгородских пределах; потом — Даниилу, Костромскому протопопу; тоже сказал и всей братии»⁸.

Предчувствие кружка, что для него наступает, зима, время страданий, скоро вполне оправдалось. В настоящем его положении для кружка возможны были два исхода: безусловное подчинение новому патриарху и всем его распоряжениям, с оставлением всякой мысли о прежней выдающейся роли в церковных делах: или — открытая борьба с Никоном, человеком решительным, крутым, и при этом, крайне сильным, так как за него стоял сам царь. Кружок, как и следовало ожидать, избрал последнее. Он всегда считал себя на страже истинного благочестия, был его всегдашним присяжным ревнителем и поборником, члены кружка тем именно и славились, что они, «ревность велию имуще по Бозе», не боялись смело выступать на обличение лиц сильных и даже, «по пророку Давиду, пред цари глаголюща и не стыдящася». Именно борьба с нечестием, публичные обличения других за уклонение от существующих церковных уставов и постановлений, составляло, так сказать, специальную профессию членов кружка, создавшую им и громкую известность и очень видное общественное положение. Единоличное, ни чем повидимому неоправдываемое распоряжение Никона о поклонах и перстосложении, давало им прекрасный случай выступить в привычной, и прежде очень благодарной для них, роли обличителей и порицателей нечестия Никона, который к тому же перестал пускать своих недавних друзей и «в крестовую». В опровержение распоряжения Никона членами кружка немедленно составлена была записка о поклонах и перстосложении и подана государю, но тот, как догадывается Аввакум, передал ее Никону.

Нельзя сказать, чтобы первое реформаторское действие Никона — отмена старого двоеперстия и распоряжение о поклонах — было выбрано им удачно, вполне достаточно соображено с воззрениями и понятиями того общества, в котором Никону приходилось действовать. Никон начал свою церковную реформу тем, что сразу, с первого же шага, без всякой подготовки к тому обществу, затронул ранее всеми признаваемый церковный обряд и чин, т. е. ту именно область, на которой по преимуществу воспиталось религиозное чувство русского народа, и которая поэтому была особенно близка ему,

⁸ Мат. для ист. раскола т. V, стр. 13

дорога и священна в его глазах. Русские, которым недоступны были наука и образование, а вместе с этим возможность теоретического усвоения системы христианского вероучения вне обряда, по необходимости сосредоточили свое внимание на внешней обрядовой стороне христианства, которая, как наглядное выражение отвлеченных истин, была ближе и понятнее для простого, необразованного народа, мало способного к отвлеченному мышлению. Обряд таким образом естественно выступал на первый план в христианской жизни русских: не от вероучения переходили они к обряду, как бы следовало, а совершенно наоборот: они начинали прежде всего с обряда, и уже чрез обряд и при его посредстве приходили к усвоению и пониманию самого учения, так что русских воспитывал и учил христианству прежде всего определенный обряд, вне которого они не могли ни представить, ни мыслить христианства. На самый обряд и его значение, по историческим обстоятельствам своей жизни, русские смотрели значительно иначе, чем например греки. Греческая церковь, отправляясь от учения Христа и апостолов, в течение своей исторической жизни выработала у себя, на основании этого учения, целую систему обрядов, которыми она выразила внешним образом содержимое ею учение и свое понимание его за различное время. Понятно, что она, как создавшая православный обряд, хорошо знала его происхождение, его отношение к вероучению, его истинное значение в христианской жизни. К русским обряд перешел уже готовый, в существенных чертах вполне сформировавшийся и законченный; процесс его исторического происхождения и постепенной выработки остался для них совершенно неизвестным, почему они приписали ему одинаковое происхождение и значение с самым вероучением. В виду указанных обстоятельств для значительного большинства русских обряд был тоже, что и вероучение; он так же важен, свят, спасителен и неизменен, как и вероучение. Изменить обряд, по их мнению, значило тоже, что изменить вероучение; иной обряд указывал на иное учение, разность в обряде указывала и на разность в учении, а не на иную только внешнюю форму его выражения, так что русский не учением поверял обряд, но обрядом учение; всякий держащийся иного обряда был в его представлении иноверующий, ибо правый обряд повсюду един, как едино повсюду правое вероучение. При этом большинство русских искренно и твердо было убеждено, что правый обряд во всей его чистоте и первоначальной неизменности сохранился только у них одних, тогда как у современных греков, и у других восточных православных христиан, он уже несколько видоизменился, воспринял в себя некоторые новшества. В виду подобного отношения русских к обряду понятным становится, как опасно было затрагивать именно эту неприкосновенную и заветную для религиозного чувства русских область их вековых верований, понятно, какого осторожного и бережного отношения требовал к себе обряд со стороны каждого. А между тем Никон, только что успевший войти на патриаршую кафедру, сейчас же, без всяких разъяснений и оправданий, без всякой предварительной подготовки к тому обществу, единолично своим распоряжением изменяет вековой обряд, всеми признаваемый доселе за правый, недопускающий никаких перемен.

Но этого мало. Никон, по непонятным для большинства причинам, изменяет тот именно обряд, который постоянно употребляется каждым православным христианином, и

неизменяемость которого была утверждена и ограждена клятвою Стоглавого собора, вследствие чего Никоне, в мнении большинства общества, необходимо должен был явиться противником таких соборных постановлений, которые в то время для всех считались обязательными, и ни с чьей еще стороны не возбуждали сомнений, — должен был явиться таким человеком, который свою волю, только свое личное усмотрение в церковных вопросах, ставит выше голоса всей церкви, тем более, что Никон, фактически упраздняя постановление Стоглавого собора о двуперстии, в тоже время вовсе не объяснял, как его распоряжение о перстосложении относится к существующему по этому предмету соборному постановлению, прямо ему противоположному. Наконец такой образ действий не особенно, был удобен для Никона и потому, что на патриаршей кафедре Никон был новым, для большинства вовсе неизвестным человеком, что он не только не успел приобрести того подавляющего нравственного авторитета, который бы заставил его паству спокойно смотреть и на такие его действия, которые с первого взгляда могли показаться ей не имеющими достаточного оправдания ни с исторической, ни с канонической точки зрения; но он имел еще у себя и непримиримых врагов, всегда готовых самые правые и законные его действия объяснить в дурную сторону и тем вооружить против него народ.

Таким образом первый реформаторский шаг Никона был действием поспешным, недостаточно обдуманном и соображенным с теми условиями, при которых ему приходилось действовать; а между тем такой шаг должен был иметь для всей последующей деятельности Никона очень важное значение: он сразу поколебал в мнении многих доверие к Никону патриарху, заставил зорко-недоверчиво относиться ко всей его последующей реформаторской деятельности, дал сильное против него оружие в руки его противников.

Впрочем Никон сам скоро увидал и сознал ошибочность и поспешность своего первого реформаторского действия, и потому немедленно решился взяться за дело реформы иначе, идти к той же цели иным, хотя и более медленным, но за то более верным путем.

Оказанное Никону открытое сопротивление со стороны кружка провинциальных ревнителей благочестия, по поводу его распоряжения о поклонах и перстосложении, дало ему случай убедиться в том, что в лице отвергнутых им ревнителей он найдет себе самого сильного и опасного врага, способного дискредитировать в мнении общества проводимые им реформы и подорвать самый его патриарший авторитет, только опираясь на который он сделал известное распоряжение о поклонах и перстосложении. Поэтому Никону необходимо было прежде всего так или иначе освободиться от враждебных ему ревнителей, которые легко могли сделаться органом всех недовольных, как лично Никон, так и его церковными реформами, и тем создать ему массу затруднений и неприятностей в будущем. Действовать относительно своих бывших друзей мягко и примирительно, постараться привлечь их на сторону предположенной церковной реформы, воспользоваться их ревностью, энергией и дарованиями для достижения своих целей — Никон не хотел, потому что уже ранее хорошо изучил взгляды и убеждения

своих бывших друзей, и ясно видел сильную нерасположенность с их стороны сочувственно, или только терпимо, отнестись к намеченной церковной реформе. В виду этого Никон решил просто отделаться от своих притязательных, заносчивых и опасных для него и его дела друзей, и при том таким способом, который бы сразу дал им почувствовать всю силу и могущество Никона, а их собственное бессилие и ничтожество пред ним. Всемогущему царскому любимцу и патриарху нетрудно было найти поводы и способы покончить с неприятным опасным для него кружком. Члены кружка ревнителей всюду, где только им приходилось действовать, создавали себе немало врагов, благодаря своим резким обличением чужих неправд, пороков и недостатков. Никон воспользовался этим обстоятельством для своих целей. Он стал принимать жалобы озлобленных против ревнителей и, давая веру этим жалобам, стал привлекать ревнителей к ответственности. По такой жалобе он отдал за пристава Логгина, чем крайне возмутились все ревнители. Неронов выступил полномочным защитником Логгина, и между ним и Никоном публично произошла очень бурная сцена, в присутствии целого собора. Неронов при этом случае до того забылся, что дозволил себе самые грубые и резкие выходки против патриарха, обвиняя его в неуважении и презрении к царю, в неправдах, в жестокости, в склонности слушать клеветников и наушников, в доверии к людям заведомо недостойным, и в преследовании людей добрых и хороших. Когда, например, Никон, обличаемый Нероновым в неправом суде, заметил: «я де кроме Евангелие ничем не сужу», то Неронов так отвечал ему: «во святом Евангелии написано: Господе рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас; а тебе кто и добра хочет и ты и тех ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тех любишь и жалуешь и слушаешь. А кто тебе кого огласит напрасно, хотя за пять сот верст, или за тысячу, и ты веры имеешь... тебе клеветники в яве клеветуют на добрых людей, а ты им веры имеешь... Доселе ты протодиакона Григория и прочих, которые ныне в крестовой у тебя советники его, врагами Божиими и разорителями закона Господня сказывал; а ныне у тебя на соборе то и добрые люди... Доселе ты друг наш был, на нас возстал. А коих ты разорил, и на их место поставил иных, и от них доброго ничего не слышать. А коих ты оставил, вины на них положил, что они людей мучат, так де ненадобно делать, как ты говоришь; а сам беспрестанно мучишь: старца соловецкого и в кресной день велел еси бить немилостиво. Се того себе не вменяешь, властем зазираешь, а сам беспрестанно мучишь... Ныне от тебя боголюбцы терпят скорби, и беды и разорения». Неронов резко порицал не только одного Никона, но и весь собор». Не знаю, говорил расходившийся ревнитель, чем ваш сей собор назвать, потому что не поболение ваше о законе Господни, но укоризны и поносы! Таковы соборы были и на великого святителя Иоанна Златоустого и на великого святителя Стефана Сурожского⁹. Так ревнители, с самого начала патриаршества Никона, подвергли его патриаршие действие самой резкой и придирчивой критике, находили в них только одни неправды, произвол и жестокости, проповедуя открыто и решительно, что Никон недостойный патриарх¹⁰. Понятно, что Никон не мог остаться равнодушным к этим

⁹ Мат. для ист. раск. т. 1. стр. 44—49.

¹⁰ Обвинение Никона в жестоком обращении с подчиненными обычны. Но здесь скорее имела место не только личная жестокость, но и так называемый дух времени, тогдашние суровые нравы, — тогда так все поступали. Протопоп Аввакуме, например, про себя рассказывает, что он обыкновенно приходил к утрени

задорным и резким обличением, имевшим в виду окончательно подорвать его значение патриарха, тем более, что все это происходило в первый год патриаршества Никона, когда его положение еще не вполне окрепло и установилось, почему нападение на него ревнителей грозили ему серьезною опасностью. Никон поспешил окончательно отделаться от своих бывших друзей. С Неронова он снял скуфью и послал его под крепкий начал в Спасокаменный монастыре; Логгину он остриг голову, т. е. лишил его сана священства, причем последний, когда его расстригали в соборе, не удержался от публичных грубых и неприличных выходок против Никона. С видимым удовольствием, как о каком-то высоком подвиге, рассказывает об этом Аввакум следующее: «остригше, содрали с Логгина однорядку и кафтан. Логгин же, разжегся ревностью божественного огня, Никона порицая и чрез порог в алтарь в глаза Никону плевал. Распоясался, схватя с себя рубашку, в алтаре в глаза Никону бросил». Не смотря на все крайнее непреличие поведения Логгина, оно однако, по словам Аввакума, было увенчано всенародным чудом: «и чуду, повествует он, растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискосе, быть-то воздух». Но нечестивый Никоне, по словам Аввакума, к подобным очевидным чудесам над ревнителями, относился не только скептически, но и насмешливо. Когда ему донесли, что Бог чудесно, заключенному после расстрижения в темницу Логгину, дал шапку и шубу, то Никон только рассмеялся и при этом заметил: «знаю-су я пустосвятых тех»¹¹. Вслед за Логгиным и Нероновым опале подверглись и другие ревнители — Аввакум и Даниил Костромской, которые было подали царю челобитную за Неронова. Даниил был расстрижен и сослан в Астрахань, Аввакума же спасло от расстрижения заступничество царя, но он все-таки был сослан в Сибирь.

Так Никон отделался от своих бывших друзей, лишив их прежнего влиятельного и видного

ранее всех и один начинал полунощницу: «докамест сходятся крылошаня, а я проговорю в те поры. Прощаются — ибо Бог простит; а который дурует, то на чем добро пожаловать: не раздувай уса—тово у меня». (Матер. VIII, 91). Но особенно важно для характеристики суровых нравов тогдашнего времени собственное свидетельство архиепископа сибирского Нектария (в одном из его писем) о том, что он вытерпел от старца, у которого жил на послушании в Ниловой пустыни, до своего архиепископства. Вот что он сообщает: «до смерти мне надобно помните, какова милость Божия надо мною грешным была в пустыне и что мы кушали: вместо хлеба сие брашно: траву папорть и кислицу, ужевник в дягиле, дубовые жолуди и дявлевину, и с древес сосновых кору отыскали и сушили и, с рыбою смешав, вместе толкли; то нам брашно было, а гладом не уморил нас Бог. И како терпел от начальника с первых моих дней: два года по дважды на всякий день был бит в два времени, а не по едино время на день бои были. Но и в светлое воскресение Христова дважды бит был. И того сочтено у меня в два года по два времени на всякий день боев: тысяча четыреста и тридесять. Сколько ран и ударов на всякий день было от рук его честных, тех не щитаю — Бог весть — и не помню: от ран великих едва дыхание во мне бысть. Пастырь мой плоть мою сокрушал, а душу мою спасал. Что ему в руках прилучилось, тем и жаловал меня, свою сиротку и малого птенца. Учил клюкою, и остном прободал, и поленом, коим в жернове мелют муку, и пестом, что в ступе толкут, и кочергою, что в печи уголье гребут, и поварнями, что ествы варят, и рогатками, что раствор на хлебы и просфоры и на пироги в сосудех бьют, чтоб хлебы, или просфоры и пироги были белы, — чтоб душа моя темная светла была, а не темна; и в ушатах, что двое носят моторе, и тем древом из ноги моя икра выбита, чтоб ноги мои на послушание Христа ради готовы были. И нетокмо древом всяким, но и железом, и камением, и за власы дранием, и кирпичем, и что прилучилось в руках его, чем раны дате, и что тогда глаза его узрят, тем душу мою спасал, а тело мое смирял. И в то время персты мои из составов выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и ныне немощен и скорбен, чаю себе скоро смерти», почему желает оставить кафедру и остаток дней провести в месте своего первого обещания — в Ниловой пустыне. Нектарий умер в Москве в январе 1667 года. (Рукопись Вифанской духовной семинарии № 2369, л. 60, 198—202)

¹¹ Матер. для ист. раск, т. V, стр. 21—22

общественного положение и разослав их по дальним уголкам России. Царь решительно стоял на стороне Никона и предоставил ему полную свободу действий в церковной сфере, отказываясь от всякого вмешательства в церковные дела. Неронов, еще до своей ссылки, говорил Никону: «подал равноапостольный, благочестивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России тебе волю, и ты, зазнався, тако всякия ругания творишь, а ему, государю, сказываешь, я де делаю по Евангелию и по отеческим преданиям», Стефан Вонифатьевич писал сосланному уже Неронову, уговаривавшему его побудить царя вмешаться в церковные действия Никона, что царь «на себя такого чина не взимает, что управити ему, государю, благочестие»; и в другом месте: «царь государь положил свою душу и всю Русью на патриархову душу»¹².

Таким образом Никон находился теперь в самых благоприятных условиях относительно выполнения предположенной церковной реформы. Те лица, от которых он только и мог ожидать серьезного противодействия себе, находились далеко от Москвы, в ссылке; царь оказывал ему безусловное доверие и предоставил ему в церковных делах полную свободу действий; власти, бояре и весь народ уже ранее клялись ему беспрекословно подчиняться всем его архипастырским распоряжениям. И однако же, не смотря на все это, Никон встретил сильные препятствия на пути к осуществлению церковной реформы, и открытое решительное сопротивление всем своим реформаторским распоряжениям. Противодействие исходило от его бывших друзей — ревнителей, которые, не смотря на свою ссылку, очень чувствительно давали знать о себе Никону. Пользуясь своими прежними связями и особым положением в Москве, они обращались с своими челобитными к царю и царице, а также и к царскому духовнику, чтобы они защитили их от Никона, который несправедливо гонит их и преследует, причем самих себя они выставляли мучениками за правду, страдальцами за ревность по благочестии. Так Неронов, который теперь стал во главе своих опальных друзей ревнителей и всех вообще противников Никона, пишет царице: «тии (Павел, Даниил, Аввакум, Логгин) мучени и томлены, и изгнани ради проповеди закона, и ради учение, и за еже побуждати им наблагое всех человек, ревность имуще, да не един от христиан правого пути погрешите, но вси спасение да улучат и чисти пред сотворшим ны предстанут в день праведного суда, иже и воздаст комуждо по делом его».

Ревнители не ограничивались тем, что представляли Никона человеком жестоким, несправедливым, гонителем людей, ревнующих о правде и благочестии. Указывая всем на единоличное распоряжение Никона о поклонах и перстосложении, они на первых уже порах стали открыто и настойчиво заявлять о том, что русскому благочестию грозит от Никона серьезная опасность. «Не наша бо страдания, пишет Неронов в своей первой челобитной царю, от 6-го ноября 1653 года, нудят нас к тебе, государю, вопити, ниже скорбей и мучений наших моление к тебе, государю, приношу; *но страх держит мя о сем, дабы благочестие истинне в поругании не было и гнев Божий да не снидет...* О, благочестивый царю, устави, молю, бурю, смущающую церкви!.. О, благочестиве! молю

¹² Ibid. т. I, стр.89, 91, 106

тя: скорби бо и гонения, еже претерпехом за любовь Господа нашего Иисуса Христа, радость нам воистину; а еже зрети или слышати люди Божия смущаемы и печалию погружаемы *прововерия ради и благочестия от бед и скорбей — нестерпимо*». С своей стороны Аввакум, вместе с Даниилом, еще до своей ссылки, уже писал царю в особой челобитной: «о, благочестивый царю, откуда се привнидоша в твою державу? Учение в России не стало и *глава от церкви отста*, понеже озоба вепрь от луга и инок дивий поял и есть». Во второй челобитной государю, писаной в начале 1654 года, Неронов прямо уже указывает царю, в чем заключается опасность, грозящая церкви. «Искушения бо прииде, потрясающия церковь, и велико несогласие, пишет он царю. Чесо ради? всяко веси. Отцы преданное коленное покланение попираемо, и крестнаго знамения сложение перст пререкуемо, и ново некако сказуемо не от писания, плачу достойно, соблазн приносяще людем, их жо ради Христос кровь свою пролия... Коленное же покланяние от устава прияхом, преданнаго церкви святыми отцы, согласующе от тех и блаженному Никону в своих правилах, и не хотящих до земли покланяться, непоклоннической ереси последующих тех глаголет, юже сказует девять - десять первую в Дамаскинов книге». Доказывая за тем истинность двуперстия ска-занием о Мелетии антиохийском, словами Феодорита, свидетельством Максима Грека, Неронов говорит: «всех же зрим нетлением и чудесы от Бога прославленных, от них же ни един инако мудрствуя, приложити что смея, последующе древле бывшим отцем, и яко постепении друг по друже идуще, а пред отцы не прескочающе, но пребываху в них же научени быша, *самочинне же законов не полагаху и церковных догмат не развращаху*. Сих ли святейших есмы? О, благочестивый царю, яко законы их, ими же они Богови угодивши, и в чудесех велице явлешеся, тако, яко истинних прогоняют бесов; мы же сие нетрудно разорити покушаемся. На сих ли возносимся, им же видим ты, благочестивый царю, и вси правовернии князи, и боляра, и архиереи, и ереи, и православные християня со страхом многим любезно святыи их мощи целуете, и ракам их касаетеся ради освящения едиnorodных наших душ, и яко да молят о нас человеколюбца Бога, да милостив будет нам в день судный, — на сих вознестися имамы?» Затем Неронов, в той же челобитной царю, говорит, что вместе с верою русские приняли от греков и книги, которые «добре и богоугодно» были переведены на славянский язык, а потом благовернии цари, князи, святители и преподобнии отцы «писание уясниша и тиснению печатному предаша» причем преподобный Максим Грек крепко завещал «возносящимся премудростью и тщетною философию, развращенно же житие имущим, отнюдь не дерзати святых книг таковым переводити, ниже вручити таковым, яков же он лукавый чернец Арсений, о нем же патриарх иерусалимский писал к тебе, государю, из Путивля, что он Арсений еретик, велел ся его остерегать. А ныне он, Арсений, взят к Москве и живет у патриарха Никона в келье, да ево и свидетеля, врага, поставляет, а в древних великих мужей и святых чудотворцев свидетельство отметаает и ложно нарицает». Для решения возникших церковных недоумений Неронов предлагает царю созвать собор, но только чтобы этот собор был истинный, «а не сонмище иудейско». «Не единым бо архиереом подобает собратися, пишет он, но и священно-архимандритом, и священно игуменом, и протопопом, и священно-иноком, иереом и диаконом, ведущим до конца божественное писание; такожде и в мире живущим и житие добродетельное проходящим всякого чина людем; поискати же лепо, государь, и в пустыни живущих

иноков, искусных отцев, науку имеющих от божественного писания, пачеже жития ради добродетельнаго и чистоты и дарованию сподобльшихся от Бога, да же споспешествуют нам, государь, неточию словеса, но и молитвы их, ко исправлению нашея православныя христианския веры, да же истина светлее солнца явится. Тебе же, государь, яко превеликому столпу, ту председети и всех зрети». Только одного ограничения для проектируемого собора желает Неронов. Это — чтобы государь никак не принимал в совете иностранных иноков, «истине и благочестию ругателей и ересем вводителей»¹³.

Царь не только не придавал никакого значения этим челобитным, вполне положившись в церковных делах на Никона, но и запретил Неронову обращаться к нему с жалобами на Никона. Но это не остановило Неронова. Он стал писать царице, прося ее ходатайства перед царем, и особенно обращался к своему патрону и доброжелателю Стефану Вонифатьевичу, думая найти в нем противника Никону.

Неронов, и особенно его друзья, до конца своей жизни имели неправильное представление об участии Стефана Вонифатьевича в деле церковной реформы Никона, и неправильно представляли себе личные отношения, существовавшие между Стефаном и Никоном. По их представлениям Никон, до своего патриаршества, очень дружил со Стефаном, во всем соглашался с ним, не противоречил ему и даже всячески перед ним заискивал. Но сделавшись патриархом, он решительно будто бы изменил к Стефану свои отношения: стал не только гнать и преследовать его друзей, но ругать и поносить и самого Стефана. Неронов говорил патриарху Никону: «преже сего совет имел ты с протопопом Стефаном, и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приезжал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был в игумнах, и в архимандритех, и в митрополитех... Ты с государевым духовником протопопом Стефаном тогда был в советех, и не прекословил нигде... И протопоп Стефан за что тебе враге стал? — везде ты его поносишь и укоряешь»¹⁴... Но такое представление ревнителей об изменившихся будто бы отношениях Никона к Стефану, после того как Никон успел сделаться патриархом, решительно неверно и не соответствует действительности. Стефан Вонифатьевич несомненно всегда был сторонником Никона, как своего ставленника в патриархи, и до самой своей смерти сохранил к нему близкие дружеские отношения. На производимую Никоном реформу он смотрел как на свое личное дело, и потому не только не мог ей противодействовать, но и всячески ее поддерживал. В послании к царю из Спасокаменного монастыря, от 27 февраля 1654 года, Неронов пишет: «по приказу отца священнопротопопа Стефана Вонифатьевича, всякое покорение и любовь показывал аз к Никону патриарху, еще же он был в архимандритех и в митрополитех, и лживых слов ему, господину, не говорил, но все поистинне истину, моля его, да не слушает клеветников»¹⁵. Значит, когда Никон еще был архимандритом и митрополитом, уже тогда между им и Нероновым происходили несогласия, уничтожаемые авторитетом Стефана, который заставлял Неронова оказывать Никону «покорение и любовь» т. е. уже и тогда Стефан

¹³ Матер. I, 23—24, 37-38, 54—67, 80

¹⁴ Ibid. стр.47.

¹⁵ Матер. I, стр. 67—68.

считал более правым Никона и был на его стороне, а не на стороне Неронова. Тоже было и после, когда Никон стал патриархом и начал свою реформаторскую деятельность. Протопоп Аввакум в письме к Неронову в Спасокаменный монастыре, от 14 сентября 1653 года, говорит: «а про Стефана сказать не знаю что, — всяко ослабел. Писал я о тебе челобитную, и он государю и не снес. И я помышляю: благо нам и так; Давид богоотец рекл: не надейтесь на князя на сына человеческого, в них же несть спасения»¹⁶. Отсюда видно, что в произошедшем столкновении Никона патриарха с его бывшими друзьями-ревнителями, Стефан сразу стал на сторону не их, а Никона, что подметили ревнители и объясняли это странное, по их мнению, поведение Стефана тем, что он «всяко ослабел». Ясно, что ревнители не понимали Стефана совсем не знали того, что Никон в своей церковной реформаторской деятельности осуществляет программу царя и Стефана, и потому они сильно заблуждались, считая Стефана сторонником своих воззрений на реформу, совсем не одобряющим реформы Никона, и только из политики поддерживающим внешне корректные сношение с Никоном патриархом. В действительности роле Стефана в деле столкновения Никона с его бывшими друзьями была ролею посредника между двумя борющимися сторонами. Он старался действовать примирительно, посреднически, склоняя обе стороны к уступчивости, воздействуя в этом смысле, со одной стороны, на царя и Никона, с другой, на Неронова, как тогдашнего главу недовольных Никоном. Это как, нельзя более ясно открывается из переписки Стефана с Нероновым. Стефан в письме к Неронову в Спасокаменный монастырь советует ему оставить затеянную им борьбу с Никоном патриархом, так как он — Неронов борется «всуе», прав Никон патриарх, а не Неронов, почему последний должен оказывать Никону послушание «и без рассуждения не прекословить ему ни в чем», тем более, что Никон ждет от него покаяние и просьбы о прощении, которое он, под этим условием, и получит. На эти советы и убеждения Стефана оставить борьбу с Никоном и примириться с ним, Неронов отвечает Стефану решительным отказом, заявляет, что он никогда не покорится Никону, а будет по-прежнему бороться с ним. «Молю тя, брате, пишет он Стефану, векую мя оскорбил еси, воспоминая миг подвигов оставити и приложитися оут благоначинания, яже о Христе, а не добре подтверждая мя, яко да течение окончаю? или еще не уразуме настоящия беды всей Руси? Всякое благочестие преста и чадом церковным везде плачь... Какое же рече о возлюбленне, яко в суе ми труде? размотри добре превожделенне, — себе ли ради сие творю? Не буди то никакоже: но церкви ради и братии, о них же Христос кров свою излиша.. Идеже вред преемлет церковь, и многим блазнь бывает и погибель душевная, — какое тут молчание? Се в упрямство не вменяй, еже к патриарху прощения не приношу: не вем бо себе к нему согреша». При этом Неронов относительно дальнейшего своего образа действий решительно заявил Стефану, что просит у Христа помощи и заступления, «да даст ми крепость, еже с братиею моею за имя Его любезно пострадати и с ними, о Христе моими господами, смерть или живот прияти, да в безконечные веки с любезными моими не разлучаюся». Но этого мало. Неронов и самого Стефана старается убедить открыто стать на сторону дела Неронова и его друзей, всячески их поддерживать и ради их бороться с Никоном. Он пишет Стефану:

¹⁶ Ibid. стр. 25.

«не прииде бо Христос вложити мира, но рать и мечь, разделить отца на сына, и сына на отца, и дщерь на мать свою, и невестку на свекровь свою. Сицевое Спасово речение часто воспоминай и нам не стужай, дело начевшим; но, молю, и помогай; аз орю и добре землю делаю, ты по ней посеи, яко да обогатееш. Не угаси, молю, малые искры, лежащая в тебе, да не от Бога наказан имаши быти, яко погубив правду». И в другом месте тогоже письма заявляет Стефану: «грубых словес моих не гнушайся, о превозлюбленне, но с радостию, яко истине друг, приемли в клети, яко птица, седи и пой Господеви песни красны, во дни и в нощи. Прочти мучение святого пророка и мученика Еремия, иже посылаше, ко царю учеником своим Варухом епистолию, они же драша и жгоша, самого же пророка и соучеником его мучица, последи же и в кал его втопташе. Опасно зри, каков суд подъяша. Тако и ты, — аще и жещи и драть не будеши, но писанное тебе аще презирати будеши: блюди да не тояжде постраждеши. Аще бо к человеку согресишь, отпустите ти ся; аще ли о церкви не радети будеши, и чадом ее блазн сотвориши, неумолим суд обрящеши в дом праведного суда Христова»¹⁷.

Так старался Неронов убеждениями и мольбами, а часию и угрозами, склонить Стефана на свою сторону, заставить его решительно и открыто выступить на борьбу с Никоном. Но в то же время Неронов невольно чувствовал, что Стефан вовсе не на его стороне, что он не оправдывает его строптивного, вызывающего поведения относительно Никона. Неронов искал причины такого, казалось ему, непонятого поведения своего друга и советника. В приписке к письму он спрашивает Стефана: «не то ли ты мыслишь, государь мой союзниче, священнопротопопе Венифатьевич, что я тебе, живучи на Москве, стужал и много тебе жестоко и противно говорил?» Значит Неронов сознавал, что Стефан им недоволен, что он оправдывает не его, а Никона, причину этого думает найти в прежних своих личных отношениях к Стефану, когда он, в виду вскрывавшегося между ними несогласия по тем или другим вопросам, позволял себе много и горячо спорить с Стефаном и не соглашаться с ним. Отсюда очевидно также и то, что рознь в воззрениях между Стефаном и Нероновым сказывалась уже давно и, благодаря резкости и упрямству Неронова, уже ранее вызывала неудовольствие Стефана, о чем теперь и вспоминает Неронов.

Еще яснее свои истинные отношения к Никону патриарху и реформатору Стефан выразил во втором письме к Неронову. Здесь он пишет, что царь, которому он прочел письмо Неронова, удивляется его (Неронова) упрямству», что царь и Стефан «блазни не имеют о патриархе, — все он доброе творить», и что вообще «государь за патриархом ничего худого не видал». Что же касается распоряжения Никона о поклонах, то Стефан находит его правильным, вполне согласным с русской церковной стариной; а относительно перстосложения вопрос еще не решен окончательно, т. е. царь и Стефан находили правильными первые реформаторские шаги Никона и вполне их оправдывали, так как они, очевидно, и предприняты были Никоном не иначе, как после предварительного соглашения по этому предмету с царем и Стефаном. Поэтому не удивительно, что и царь

¹⁷ Ibid. стр. 70—94.

не похвалял сопротивление и упрямства Неронова, и что он выразил желание, чтобы Неронов подчинился Никону и снова занял свое прежнее место в московском Казанском соборе, о чем Стефан и извещал в письме Неронова.

Таким образом Стефан был, несомненно, вполне на стороне Никона, и оправдывал его реформу пред своими задорными друзьями—ревнителями, с которыми он, особенно с Нероновым, поддерживал всегда прежние близкие отношения, всячески усиливаясь его и других примирить с новыми явлениями в тогдашней русской церковной жизни. Несомненно также и то, что и царь принимал живое и деятельное участие в первых реформаторских шагах Никона и в посреднической попытке Стефана примирить ревнителей, особенно Нерона, с Никоном и его реформаторскою деятельностью.

Стефан мало однако рассчитывал побороть упрямство Неронова путем убеждений и уговоров, и потому решил достигнуть этой цели иным способом; как видно, Стефан уже давно задумал принять монашество, променять свое видное и влиятельное положение царского духовника, на положение простого смиренного инока старца. К тому же он решил склонить и Неронова. Последний во втором своем письме пишет Стефану: «прочее же писанное тобою (т. е. Стефаном), о вселюбезне, внятно разумех, смирению твоему подивихся и простонравию блаженному, и *благий совет твой приемлю*. Молю же тя, *поне мирскаго мудрования уклонися, якоже и мира*, и Владыце нашему Господу Иисусу *послужим по силе нашей*». Приняв благой совет Стефана Неронов, как известно, постригся в монахи под именем Григория. Также поступил и Стефан Вонифатьевич. В 1655 году он, на средства своего духовного сына — государя, построил в Москве на «убогих домех», где было кладбище для бедняков, странников, умерших насильственной смертью, замерших и других несчастных, особый монастырь, названный Покровским, в котором, вероятно в 1656 году, он и был пострижен в монахи под именем Савватия. Стефан Вонифатьевич, в иночестве старец Савватий, скончался 11-го ноября 1656 года, и был похоронен в своем Покровском на убогих домех монастыре¹⁸. Понятно почему Стефан добивался и потом действительно постриг Неронова в монахи. Сам Стефан смотрел на свое иноческое пострижение, как на акт всецелого отречения от Мира и всецелого посвящения себя служению только Господу Иисусу — он, после пострижения, не царский духовник, не влиятельное придворное лицо, даже не иерей, а смиренный инок — просто старец Савватий. Он был убежден, что и Неронов, сделавшись старцем Григорием, подобно ему, тоже всецело проникнется иноческим смирением, бросит свою задорную общественную деятельность и, как инок, смирится пред патриархом, весь сосредоточится на работе Христу, навсегда замкнувшись от мира в своей уединенной иноческой келии. Но Стефан ошибся в своих надеждах на Неронова: ставши старцем Григорием, Неронов не изменился, а по прежнему во всех случаях проявлял и прежний задор, и неуступчивость, и ненависть к патриарху, и прежнее желание играть в обществе видную и прямо шумливую роль. Монашество оказалось бессильным переделать беспокойную натуру Неронова и направить его энергию и помыслы в другую сторону. В виду этого миротворческие

¹⁸ Матер. т I, стр. 91. Письма государей № 386, стр.350.

стремления Стефана по отношению к Неронову не удались, но за то они, в известной степени, удались по отношению к другому лицу,—патриарху Никону.

Если Неронов впоследствии говорил Никону патриарху «протопоп Стефан за что тебе враг стал? Везде ты его поносишь и укоряешь», то на это заявление Неронова следует смотреть как на преувеличение, как на выражение желания Неронова показать, что Никон не только преследовал его Неронова, но даже ругал и поносил такого уважаемого и почитаемого всеми человека, каким был Стефан Вонифатьевич. Стефан, как миротворец, сохраняя постоянно дружеские отношения с Никоном, в тоже время дружил с Нероновым и его друзьями, всячески усиливаясь примирить их с Никоном и его реформаторской деятельностью, а Никона побудить к более кроткому и снисходительному отношению к ревнителям. Возможно, что суровому и нетерпеливому Никону иногда было неприятно это миротворческое вмешательство Стефана, это его стремление щадить и по возможности извинять своих друзей, и он позволял себе, по обычной ему несдержанности, выражать иногда свое неудовольствие на Стефана, что подхватывалось Нероновым и его сторонниками и нарочно выставлялось потом, в видах повредить Никону, как проявление его вражды к Стефану. В действительности же никакой вражды к Стефану Никон не имел и даже более: Стефан и на Никона оказывал сдерживающее и смягчающее влияние и Никон, благодаря Стефану, стал потом терпимей и снисходительней. Мы видели, что Стефан всячески усиливался примирить Неронова с Никоном, но умер, не достигнув этой цели. Очень вероятно, что Стефан, перед смертью, взял с Никона обещание примириться с Нероновым, если тот пойдет хотя бы сколько-нибудь на уступки. И действительно Никон, уважая память Стефана, решился идти на примирение с Нероновым. Очень любопытны и характерны, для обоих заинтересованных сторон, некоторые обстоятельства этого примирения, поскольку они связаны с личностью Стефана. Неронов, после своего пострижения в монахи, пробыв некоторое время в Москве у Стефана, отправился на житье в Игнатьеву пустынь. Но так как Никон его разыскивал, то Неронов, скрываясь, переходил с места на место. В это время в Москве умер Стефан, и Неронов, получив весть о его смерти, явился в свою пустынь, «и моли Иоанн духовную братью, да в царствующий град Москву, на гроб к отцу Савватию (т. е. Стефану) того отвезут проститися: зане отец Савватий представися, Григорий же (Неронов) бегая живяше и не сподобися последи се целовати любезнаго ему друга и брата, и во многих слезах бяше сицевых ради; духовная же братия готови исполнити прошение его, и елико той хотяше, делом исполняху.» Неронов прибыл в Москву и здесь между ним и Никоном произошло примирение, причем Никоне, несмотря на задоре, несдержанное и грубо-неприличное поведение Неронова, отнесся к нему в высшей степени сдержанно и ласково-милостиво. Между прочим Неронов просил Никона назначить ему место, где бы он мог проживать во время своего пребывания в Москве. Никон, имея в виду близкие отношения Неронова к Стефану, зная, может быть, что и в Москву-то он прибыл, если верить его заявлениям, собственно за тем, чтобы плакать на гробе своего «друга и брата», предложил ему жить в Покровском на убогих дому монастыре, где была могила Стефана. Но Неронов не понял всей деликатности предложения ему Никона жить в Покровском монастыре, он грубо отвечал патриарху: «далече, великий святителе; где мне от тебя

поближе; потому что человек я древний, бродить не могу. Изволь пожаловать на Троицком подворье побыть». И патриарх рек: «ино-де добро», и Неронов поселился на Троицком подворьи, а не в монастыре Стефана. Но если Неронов не хотел, хотя бы временно, пожить при гробе своего друга и брата Стефана, а предпочел поселиться поближе к двору и патриарху, чтобы быть на глазах у сильных мира сего; за то Никон, с своей стороны, не забывал умершего Стефана, с уважением относился к его памяти, заботился о построенном им монастыре¹⁹, посещал его могилу, на которой, конечно и не раз, плакал. В записке о жизни Неронова рассказывается: «генваря в 14 день (1657 г.) патриарх Никон приехал в Покровский монастырь, что на убогих дому, идеже лежат мощи отца Саватия, и быв у гроба старцова, пошел к строителю старцу Кирилу в келью. И в келее, обычно благословение и мир дав, седе, покивая же главою и плача, глаголя: «старец Григорий!» Старец (т. е. строитель Кирилл) вопрошая его, глаголя: владыко святой, что вина плачу, его же ради зело плачеша? Патриарх же ничто же рече строителю, но, плакався довольно, отъиде»²⁰. О чем именно плакал Никон на гробе Стефана, — мы не знаем. Но судя потому, что Никон, плача, говорил: «старец Григорий!» можно с вероятностью заключать, что тяжелое душевное настроение Никона создано его примирением с Нероновым, которое, как он ясно видел, не смотря на всю сдержанность и уступчивость с его стороны, не удалось, так как Неронов по-прежнему питал к нему полное нерасположение и готов был всячески вредить ему. Никон, приезжая плакать на гроб миротворца Стефана, отдавал, вероятно, дело своего примирения с Нероновым, на суд умершего Стефана, так усиленно всегда об этом заботившегося. Во всяком случае, плакать на могилу Стефана приезжал не Неронов, а патриарх Никон, и это уже одно говорит за его всегдашние близкие отношения к Стефану, за его любовь и глубокое уважение и почтение к нему. О вражде патриарха Никона к Стефану не может быть, при указанных обстоятельствах, и речи.

Никон, не смотря на полный разгром кружка ревнителей, на поддержку царя и его духовника Стефана Вонифатьевича, на свою всеильную патриаршую власть, не мог однако скрыть от себя, что протест кружка ревнителей, относительно его распоряжения о поклонах и перстосложении, в значительной степени был справедлив, что единолично, только своею патриаршею властью, производить такие важные в мнении общества церковные реформы дело рискованное и очень непрочное. Не мог не сознать Никон и того, что его противники были люди убежденные, искренние, вполне веровавшие в свое призвание бороться за истинное благочестье, страдающее от самочиния нового патриарха, что их голос в этом случае мог быть убедителен для очень и очень многих, так как в своих напаках на Никона они опирались на известную всем и всеми почитаемую родную старину, которую Никон самочинно стремится нарушить. В виду этого Никон, конечно с совета царя и Стефана, решается, в своей дальнейшей реформаторской деятельности, опереться на более прочную опору: на целый собор русских иерархов, благодаря чему дело церковной реформы должно было стать делом всей русской церкви,

¹⁹ Строитель Покровского монастыря Кирилл, конечно по делам монастыря, упоминается в числе посетителей, собиравшихся в Крестовой патриарха Никона. Матер. I, 155.

²⁰ Матер. I, 158—159.

а не одного только Никона. Эти соображения вызвали собор 1654 года, очень важный в том отношении, что на нем Никон в первый раз торжественно высказал свой взгляд на положение русской церкви и на те реформы, какие бы он желал произвести в ней.

Собор 1654 года Никон открыл речью, в которой указал на причины, побудившие созвать собор, на те вопросы, какие подлежали соборному рассмотрению и решению. В оправдание задуманной церковной реформы Никон сослался на постановление константинопольского собора об учреждении в России патриаршества, где, между прочим, заповедывалось пастырям церкви истреблять все новины церковные. Прочитавши деяние константинопольского собора, Никон говорил собору: «сего ради должен есть нововводные чины церковные к вам объявити», и затем перечисляет самые найденные им в московских служебниках новины. Он указал именно: а) разрешительную архиерейскую молитву, которую незаконно положено было читать священнику пред совершением литургии, отпуст пред началом литургии, который принято было читать на всю церковь, и некоторые излишние ектении; б) существовавший обычай у нас оставлять царские врата отверстыми от начала литургии до великого входа; в) обычай праздничную литургию начинать в седьмом и даже в восьмом часу дня т. е. в первом и во втором часу по полудни; г) обычай — при освящении храмов не полагать мощи под престолом; д) дозволение простецам двоеженцам и троеженцам петь и читать в церкви на амвоне; е) употребление земных поклонов в четыредесятницу (при чтении молитвы Ефрема Сирина) вместо 12 малых и ж) положение антими́нса под покровом, вместо того, чтобы полагать его на престоле открыто и на нем совершать таинство евхаристии. Указав на то или другое новшество в московских печатных книгах, Никон обыкновенно замечал, что указанные им нововводные чины несогласны ни с греческими, ни с славянскими книгами, и обращался к собору с вопросом: «и о сем прошу решение: новым ли нашим печатным служебникам последовать, или греческим и нашим, *старым*, которые купно обои един чин и устав показывают? На такие вопросы Никона, говорит соборное деяние, «*великий государь царь...* преосвященные митрополиты, архиепископы и епископ... И священные архимандриты и игумены... большого собора пречистые Богородицы протопоп... И весь освященный собор, *вси едино отвещали: достойно и праведно исправити противостарых харатейных и греческих*»; или: «*святой собор рече: и мы тако же утверждаем быти, яко же греческия и наши старыя книги и уставы повелевают*»; «*святой собор рече: добро есть исправити противу старых и греческих книг*». «И сие соборное уложение благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайловиче, всея великия и малыя и белыя России самодержец, и великий государь святейший Никон, архиепископ московский, и всея великие и малые России патриарх, написати повелеша ради совершеннаго укрепления, чтобы впредь быти исправлению в печатном тиснении божественным книгам, *против древних харатейных и греческих книг уставов, потребников, служебников и часословов*».

Из той постановки дела о церковной реформе, какую дал Никон на соборе 1654 года, нельзя не видеть, что Никон был очень своеобразный реформатор: он сам, очевидно, не имел настоящего правильного представления о предмете своей реформы т. е. о

происхождении, историческом росте и действительном значении в деле веры тех церковно-обрядовых явлений, которые он так смело взялся реформировать. Русские церковные чины, несогласные с тогдашними греческими, он прямо называет на соборе неправыми и нововводными, между тем как в действительности это были правые, старые греческие чины и обряды, некогда перешедшие на Русь от православных греков и у нас неизменно сохраняемые, тогда как у самих греков, вследствие естественного роста и перемен в церковно-обрядовой жизни, они изменялись, почему и стали кое в чем несходны с русскими, или что тоже: с своими же древними греческими чинами и обрядами. Фактически, поэтому, дело стояло так, что не русские отступили от греческой церковной старины, в каком виде она перешла на Русь, а позднейшие греки, в силу разных исторических перемен и требований, видоизменяли свои старые обряды и чины, и сделали их, в некотором отношении, непохожими на старые, а следовательно и на русские. В виду этого Никон должен был говорить на соборе не о том, что русские церковные чины и обряды есть нововводные и неправые, а — самое большее — о том, что это чины и обряды устаревшие и отжившие, что они уже более не стоят в строгом соответствии с церковною практикою всей вселенской православной церкви и потому должны быть видоизменены, в видах этого соответствия. В той же постановке дела церковной реформы, какую дал ей на соборе Никон, она неминуемо должна была вызвать в обществе сильное противодействие себе, так как была не согласна с русской церковной стариной, а следовательно - и со стариной греческой.

При чтении вопросов Никона, предложенных им собору 1654 года, нельзя не обратить внимание и на то резко бросающееся в глаза обстоятельство, что Никон в число нововводных чинов, на исправление которых он требовал себе соборных полномочий, не решился включить двоеперстие, сугубой аллилуйи, чтение в символе веры «истинного» и вообще тех заметных обрядовых особенностей, которыми русские порознились тогда от современных греков, и относительно которых у русских существовало определенное обязательное для всех постановление Стоглавого собора, оградившего клятвою установленный обряд от всяких его изменений в будущем. А между тем, если в чем настояла для Никона особенная нужда заручиться прямым специальным соборным полномочием, так это именно относительно тех обрядов, которые установил Стоглавый собор. Но раз Никон этого не сделал, а между тем стал потом изменять и переделывать этот обряд, он необходимо тем самым должен был, со стороны ревнителей и всех вообще почитателей русской церковной старины, навлечь на себя и на все свое дело горькие жалобы, нареkanie и прямые обвинения в самочинии, в презрительном отношении к существующим соборным постановлениям. Почему Никон не предложил собору уполномочить его на изменение указанных обрядов, — понятно: собор 1654 года, как чисто русский по своему составу, никогда бы не дал ему таких полномочий, что хорошо знал

Никон.

Никон, настаивая на необходимости церковной реформы, заявлял на соборе 1654 года, что русская церковь содержит неправые, нововводные чины, несогласные с древними русскими и греческими, и тем самым он открыто признает, что вся вообще русская

церковь не удержалась во всем на высоте строго православного обряда, так как она допустила у себя существование неправых, нововводных церковных чинов, несогласных со строго православными чинами, какие ранее существовали в русской Церкви и сейчас существуют у греков. Значит, беда заключалась не в том только, что наши книги были испорчены невежеством, но в том, что порча проникла в самую жизнь церкви, что сама церковь усвоила себе нововводные, позднейшего измышления, неправые чины и обряды, выдавая их за древние, строго православные, так что погрешали не только уже книги, но и вся русская церковь. В виду этого Никон говорит на соборе не о таких книжных исправлениях, под которыми бы разумелись внесенные в них невежеством ошибки, описки и подобные неважные и легко исправимые погрешности, но требует исправление книг поскольку они содержат, по его мнению, нововводные чины и обряды, требует, так сказать, исправления самой церкви, а не книг только. Испорченность наших церковных книг и необходимость их исправления признавалась у нас всегда и всеми, а при патриархе Иосифе наши церковные книги даже стали сверять с греческим текстом, что бывало и ранее. Но при этих исправлениях, как ранее, так и при патриархе Иосифе, никогда у нас не признавалось, что бы русская церковь потеряла или исказила в чем либо древний православный чин и обряд, чтобы она обладала неправыми, нововводными чинами и обрядами, и что бы наши церковные книги нуждались в исправлении именно с этой стороны. Поэтому требуемая Никоном на соборе 1654 года церковная реформа, должна была существенно отличаться по своему характеру от всех предшествующих книжных исправлений.

Заявление Никона на соборе 1654 года, что церковные книги московской печати содержат в себе неправые, нововводные чины и обряды, несогласные с истинно православными древними чинами и обрядами, необходимо должно было произвести в высшей степени сильное впечатление на большинство благочестивых русских людей, и вызвать у них целый ряд недоуменных вопросов.

До сих пор каждый русский искренно и твердо верил, что русская церковь приняла от греков православие во всей его чистоте и полноте, что в течении веков она хранила его неизменно, и ни разу не поступила им ни в какую сторону, так что православие, и в церковно обрядовом отношении, всегда царило в ней без всяких колебаний и уклонений, дало ей целый ряд великих угодников Божиих, и самое русское государство сделало могучим и сильным, — единым теперь православным царством в целой вселенной. Сами греки не раз открыто признавали, что русские всегда были тверды и неизменны в вере, что Русь сделалась опорой и единственно верным убежищем гонимого на востоке православия. Много перебывало на Руси различных греческих иерархов, не раз бывали в ней и сами патриархи различных восточных кафедр, и никогда, до Никона, они не замечали, чтобы русская церковь содержала какие либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборот, только дивились русскому благочестию, восхваляли русских за горячую преданность истинному православию, за их религиозную крепость и устойчивость. Сам константинопольский патриарх Иеремия торжественно заявлял на Москве, что в ней теперь следует быть престолу вселенского патриарха, что Москва

теперь есть истинная столица всего вселенского православия, что она — третий Рим. И вдруг московский патриарх Никон торжественно заявляет теперь на соборе, что русское благочестие сомнительно, так как русские содержат у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самые благослужбные книги, по которым веруют и спасаются русские, исполнены очень серьезных ошибок и погрешностей. Откуда же взял Никон это поразительное и страшное открытие? Ему указали на него греки, церковные книги, чины и обряды которых порознились с русскими. Тогда невольно возникал вопрос: чьи же теперь книги нужно признать испорченными — русские или греческие? Никон, с голоса разных сомнительных заезжих к нам греков и киевлян, решительно заявил, что испорчены именно русские книги, и что их следует исправить по книгам греческим, которые не подверглись никакой порче. Но значительному большинству русских крайне трудно и тяжело было согласиться с этим мнением Никона, признать его справедливым. Русские церковные книги, обряды и чины испорчены: но кем, когда и с какою целью? Вот вопросы, которые необходимо возникали в уме русского человека, и на которые он никак не мог найти себе удовлетворительного ответа. На Руси не было, как в Греции, ни царей еретиков, ни верховных иерархов отступников, никакая ересь ни разу не царилла па Руси, православие всегда и всеми признавалось в ней неизменно, Русь именно гордилась тем, что раз принятое его православие она всегда хранила твердо, без малейших изменений. Кому же теперь и для какой цели понадобилась порча русских церковных книг, в которые все верили, которые в глазах русских всегда были так святы и непререкаемы, что они не решались изменить в них даже единой буквы, учили, что православному человеку следует умирать за едину букву азе, если она будет изменена в его священных книгах. А между тем, если верить Никону, оказалось, что русские, учившие православных умирать за едину букву азе, как-то странно не заметили порчи всех своих богослужбных книг, не заметили, как в них вошли неправые, нововводные чины и обряды. Когда же в самом деле и как могло случиться это непонятное и странное явление? На этот вопрос русский не находил ответа²¹. Указание на то, что русские церковные книги, чины и обряды испортило, исказило вековое русское невежество, конечно ровно ничего не объясняло, потому что невежество могло только объяснить появление в русских богослужбных книгах разных описок и неважных погрешностей в тексте, произшедших от неумелой или невнимательной переписки книге, но никак не могло объяснить появление в книгах неправых, нововводных чинов и обрядов, так как для этого требовалось уже творчество и, во всяком случае, серьезная переделка существовавших тогда церковных чинов и обрядов на новый ладе, — дело настолько заметное и крупное, что оно никак не могло пройти незамеченным особенно в русском обществе, всегда крайне чутком к малейшим обрядовым переменам.

²¹ Дьякон Федор, например, поэтому случаю говорит в своей челобитной государю: «а во твоём государстве небывало еретиков прежде, кои бы святые книги превращали и противные в них догматы вносили». В послании из Пустозерска к сыну своему Максиму Федор пишет: «аще бы на Москве приложили (в символ) истиннаго; кто приложил именем — царь-ли, или святитель кой? и в кое лето? и како тому прилагатаю церковь премолча о прилоге? И ащо вси люди мертвы быша в то время: тогда буди тако, яко спящим всем людям на Москве и приложи некто истиннаго и утече негде» (Матер. V, 41,154).

Не умея объяснить порчу книг русских, не представляя себе самой возможности этой порчи, русские естественно задавались вопросом: да действительно ли справедливо, что испорчены именно русские книги? Невероятнее ли будет предположить, что испорчены не русские, а греческие книги? Многие говорили русскому за справедливость последнего предположения. Он невольно вспоминал, при таком предположении, о господстве в Константинополе латинян — крестоносцев, об уклонении греческого императора, патриарха и многих иерархов в унию, о завоевании Константинополя турками, когда латиняне, будто бы скупив греческие книги, сожгли их, и напечатали, на место сожженных, новые, ими переделанные, в каком виде греческие книги продолжают печататься и до сего в Венеции и других иноверных землях; о том, что в теперешних греческих книгах, по сознанию и заявлением самих греков, находится лютое еретическое зелье, внесенное в них латинянами и лютеранами; о греческих ученых, которые получали образование в латинских школах, где многие из них заражались латинством и т. п. Если, таким образом, для многих русских была решительно непонятна и необъяснима порча книг русских, то наоборот, легко и удобно для них объяснялась порча книг греческих, и потому нет ничего удивительного, что очень многие русские оказались более склонными признать испорченными греческие книги, а не русские. Но в таком случае, что же это значит, что сам верховный архипастырь русской церкви торжественно, в слух всех на соборе провозглашает русские книги испорченными, некоторые русские церковные чины и обряды неправыми и нововводными? Как объяснить это странное, доселе никогда невиданное на Руси явление, что верховный глава русской церкви открыто хулит и порицает ее церковные книги, чины и обряды, и наоборот хвалит греческие, про которые всем хорошо известно, что они испорчены позднейшими новшествами, тем более что очень недавно сам Никон заявлял своим бывшим друзьям, что гречане потеряли веру и крепость и добрых нравов у них нет?... Члены кружка ревнителей, разосланные Никоном по различным отдаленным уголкам России, но сохранившие с Москвою и между собою связь и общение, взялись ответить на указанные мудреные и недоуменные вопросы, взялись разъяснить всем смысл того, что происходило тогда на Москве. Из всех отдаленных уголков России, куда только Никон успел загнать своих бывших друзей, вслух всего народа слышалась одна и та же грозная, смутившая всю Русь, речь: на кафедре великих святителей и чудотворцев московских сидит теперь изменник православию, хулитель русской церкви и русского благочестия, человек, задумавший страшное, злое дело — замутить и совсем разорить русское благочестие, искоренить чистую, доселеником еще непохуленную русскую православную веру. Под предлогом церковных исправлений он решился ввести на Руси различные латинские новшества и ереси, которым он научился от греков. Прием, в качестве советника, и сейчас находится всеведомый еретик, сосланный за ересь на Соловки, грек Арсений, его Никон взял из Соловков, держит при себе и поручает ему — всем ведомому еретика, править русские церковные книги, в который тот и вносит разные ереси. Известные ревнители благочестия и поборники его, протопопы: Неронов, Аввакум, Логгин, Даниил, с самого уже начала увидели и поняли злые намерения Никона и, движимые ревностью по вере, смело обличали его нечестие, его злые умыслы, за что и подверглись от отступника разным казням и заточению. Теперь Никон, освободившись от смелых и опытных для него обличителей, приводит на Москве в

исполнение, с помощью окружающих его греков и малороссов, задуманное им дело — искоренить чистое православие на Руси, не опасаясь более помехи своему делу со стороны разогнанных им ревнителей благочестия. И вот от ссыльных членов кружка ревнителей раздался по всей России призывкистинно верующим и ревнующим об истинном благочестии восстать на защиту православной веры и церкви от покушения на них отступника Никона патриарха, призыв на энергичную смелую борьбу с этим еретиком. Спокойная и безмятежная доселе Русь, беззаветно верившая в полную истинность и спасительность содержащегося в ней благочестия, сильно и глубоко заволновалась под влиянием речей и призывов кружка ревнителей. Почва, которую русский человек привык считать столь твердою и незыблемою, неожиданно сильно заколебалась под его ногами и он не знал, куда ему следует направиться, чтобы окончательно не сбиться с пути и совсем не погибнуть. На Москве царь, патриарх и все власти приказывают ему идти по указанному им пути, тогда как известные и уважаемые всеми знатоки и ревнители правой веры и благочестия толкают его на совершенно иной путь, противоположный первому: куда идти, к кому пристать? Смысл и цели намечаемой Никоном реформы, для огромного большинства, были решительно не понятны. Сознания серьезной поврежденности и испорченности наших церковных книг, чинов и обрядов у большинства тогдашнего общества вовсе не существовало, а существовало убеждение как раз противоположное. Поэтому реформа Никона, начатая и веденная им без всякой предварительной подготовки к ней общества, даже с прямым пренебрежением к его мнениям и пониманию, необходимо казалось большинству каким-то личным, произвольным делом одного только Никона, начатым по каким-то непонятным, сторонним побуждениям, может быть даже и не совсем чистым, как об этом говорят, на что указывают известные ревнители. Большинство — масса, всегда подозрительная ко всяким переменам старого, привычного, освященного веками, всегда враждебно встречающая все непонятное ей новое, разрушающее излюбленную старину, а к крутым и резким переменам в религиозной жизни всегда относящаяся и прямо враждебно, охотно верила тем разъяснениям смысла реформы Никона, какой давали ей члены кружка ревнителей. Они, в этом случае, стояли на прочной почве народных исторических воззрений, опирались на авторитет всем дорогой и понятной родной старины, они были носителями и выразителями национальных горделивых представлений русских о своем особом историческом призвании, как избранного народа Божия, только в среде которого и удержалась теперь и правая вера, и истинное благочестие, потерянные всеми другими народами. Поэтому, большинство, даже верхи, по крайней мере на первых порах, искренно сочувствовало членам кружка ревнителей, более расположено было к ним, нежели к суровому, очень крутому и мало понятному реформатору Никону. В его пользу, конечно, говорил привычный авторитет власти, но против него все, чем доселе жила, что доселе думала, в чем глубоко была убеждена и к чему стремилась Русь, исключая самого незначительного меньшинства, притом появившегося только уже в самое последнее время. Поэтому нет ничего удивительного, если Русь, между двумя указываемыми ей путями, не сумела выбрать одного, как несомненно верного, но раскололась на две половины, из которых каждая пошла теперь своим особым путем.

На соборе 1654 года Никон постарался намечаемую им церковную реформу выдать за дело представителей всей русской церкви, показать, что его реформаторская деятельность опирается на согласие и одобрение целого собора, а не есть только его личное дело, или дело небольшого кружка лиц, хотя бы очень сильных и великую власть имеющих. Но этим Никон далеко не достиг своей цели, — оппозиция его реформам нисколько не была ослаблена собором 1654 года.

Дело в том, что собор 1654 года уполномочивал Никона произвести исправление замеченных им погрешностей в церковных чинах и обрядах на основании старых харатейных книг славянских и греческих, а вовсе не на основании печатных заграничных греческих книг, или на основании современной греческой церковной практики, по указанию и под руководством современных греков. Во всех ответах на вопросы и указание Никона, собор очень ясно и определенно заявлял, что те или другие погрешности «достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих»; или: «и рече собор положити против древних уставов», т. е. собор желал и уполномочивал Никона произвести исправление по древним славянским переводам и по древним греческим спискам так, чтобы эти исправления опирались исключительно на греческую и русскую старину, а вовсе не на современную только греческую церковную практику. Затем, собор не уполномочивал Никона производить реформы в той области обряда, которая ранее была ограждена от всяких перемен клятвою Стоглавого собора (двуперстие, двоение аллилуйи), хотя этот русский обряд и расходился с тогдашним греческим обрядом. А между тем Никон стал потом исправлять наши церковные книги по греческим венецианским изданиям, наши церковные чины и обряды на основании современной ему практики греческой церкви, по указанию и под руководством разных случайных заезжих в Москву греков, стал, опираясь на греков, изменять и переделывать и тот обряд, который был огражден от всяких перемен клятвою Стоглавого собора. Ясное дело, что Никон, в своей последующей реформаторской деятельности вовсе не стоял на почве строго соборных полномочий 1654 года, и всякая попытка в последующей деятельности Никона видеть только приложение полномочий, данных ему на соборе 1654 года, будет просто натяжкой, не оправдываемою самым ходом дел.

И по другим обстоятельствам собор 1654 года не мог произвести на противников Никона никакого особого впечатления, способного удержать их от противодействия реформам Никона. Если мы и поймем постановления собора 1654 года в смысле вполне благоприятном для Никона, то и в таком случае, в глазах его противников, эти соборные постановления теряли свое значение, так как они, по их мнению, служили выражением не голоса всей церкви, а только личных взглядов Никона. Недаром конечно Неронов в челобитной государю 1654 года настаивал, чтобы в Москве, для обсуждения и решения всех возникших церковных дел, собран был собор — «не сонмище иудейско», а собор истинный, настоящий, на котором бы присутствовали не одни архиереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, книжными знаниями отличающиеся священники и диаконы, всякого чина мирские люди, заявившие себя добродетельной жизнью, иноки живущие в пустынях, науку имеющие от божественного писания» и прославившиеся

святостью своей жизни, чтобы таким образом на соборе мог выразиться, и притом свободно, без всяких стеснений, голос всей церкви, а не голос искусственно подобранных лиц, вовсе не выражавших голоса всей церкви. А между тем Никон собрал собор только из таких лиц, от которых не ожидал себе никакого противоречия, которые дрожали пред всемогущим патриархом и не отваживались на заявление своих, негодных ему мнений; они только угодливо выслушивали мнения патриарха и бесприкословно подписывались под продиктованными им решениями. Поэтому на соборе не было собственно никаких обсуждений и прений, как бы следовало, а все решалось по желанию и в угоду всемогущему, не терпевшему никаких противоречий патриарху. На соборе, кроме подбора известных лиц, предприняты были и особые меры, чтобы решение поставленных Никоном вопросов, совершилось обязательно в известном наперед Никоном и царем предрешенном смысле, как это видно из самых соборных деяний. В них рассказывается, что когда Никон спрашивал собор: «и о сем прошу решети: новым ли нашим печатным служебникам исследовати, или греческим и нашим старым, которые купно обои един чин и устав показывают»? то *«великий государь царь... преосвященные митрополиты... все едино отвещали: достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих»*. Значит, на соборе 1654 года царь первый подает голос, а за ним и все другие, за такое или иное решение поставленного Никоном вопроса, и царь делает такой необычный для него поступок конечно с особою целью, чтобы своим подавляющим царским авторитетом предупредить со стороны собора возможность отрицательного ответа на поставленный Никоном вопрос. Расчет был верный. Если сам царь первый подал на соборе голос в смысле необходимости совершить исправление русских церковных книги, чинов и обрядов; то, конечно, другие члены собора уже не отваживались дать ответ, несогласный с заявленным государем; это значило бы открыто идти против ясно и публично выраженного желания царя. Очевидно, голос государя подсказал отцам собора, что и как им следует ответить на поставленный им Никоном вопросе, и все они действительно последовали за царем, благодаря чему вопрос о церковной реформе принципиально решен был собором так, как этого желал царь, предварительно, конечно, согласившийся с Никоном, как им следует действовать на соборе, чтобы достигнуть ранее намеченной цели. Правда, присутствовавший на соборе епископ Павел Коломенский, отважился было заявить свое несогласное с патриархом мнение о поклонах, ссылаясь на имеющиеся у него два свитка. Но Павел жестоко должен был поплатиться за свою дерзость, за свою попытку выразить на соборе свое собственное суждение о деле, несогласное с мнением патриарха. Быстрая и очень крутая расправа Никона с епископом Павлом Коломенским убедила всех, что Никон не терпит никаких заявлений, несогласных с его взглядами, что он готов жестоко покарать всякого, кто бы отважился, хотя бы и на соборе, противоречить ему, и что царь, в этом случае, не защитит смелого человека от расправы с ним сурового патриарха.

Собор 1654 года не только ничем не умалил значения и силы кружка ревнителей, но даже еще более усилил его. Кружок, благодаря этому собору, сделал очень важное и видное приобретение: на его сторону, вопреки Никону, открыто и решительно стал Коломенский епископ Павел, обстоятельство для кружка очень важное. Доселе кружок был какой-то

безголовый, ему сильно вредило то, что он состоял из одних протопопов и вообще членов низшего иерархического ранга. На него доселе можно было смотреть как на кружок таких лиц, которые, по гордости и самомнению, возмутились против своих прямых начальников, которые своею показною ревностью о благочестии только прикрывают властолюбивые, эгоистические стремления, — ни одного архиерея нет на их стороне, все высшие законные власти против них. Но вот на сторону кружка открыто становится епископ, конечно потому, что видит в членах кружка не простых бесчинников и бунтовщиков против властей, а представителей и защитников истины против покушений на нее со стороны патриарха. К простым бунтовщикам против архиерейской власти епископ, сам власть, пристать очевидно не мог, тем более, что своим присоединением к кружку протестантов он не только ничего не выигрывал, а наоборот все проигрывал, так как такой шаг неминуемо навлекал на него гнев всемогущего и сурового патриарха, о котором уже хорошо было известно, как он разделяется с своими противниками. Отсюда понятно, какое важное приобретение сделал кружок ревнителей, приобщив к себе епископа Павла Коломенского, понятно также и то негодование, тот гнев Никона на епископа, перешедшего открыто на сторону его врагов и этим поступком придавшего кружку большую устойчивость и авторитетность в глазах всего общества.

В виду указанных обстоятельств собор 1654 года, не смотря на свою формальную правильность, терял однако свое значение и силу в глазах протестантов, не производил на них того впечатления, на которое рассчитывал было Никон. Последний должен был сознаться, что собор 1654 года далеко не оправдал возлагаемых на него надежд, что опираясь на постановление только этого собора, нельзя было с успехом провести намеченную реформу, так как даже и между архиереями у него нашелся противник, который стал открыто на сторону кружка ревнителей. Молчаливое и очень условное согласие на реформу других иерархов, присутствовавших на соборе 1654 года, не предвещало ему в будущем ничего доброго²². Вести далее реформу опираясь только на свою громадную власть и тот страх, который он внушал всем, было бы делом слишком рискованным. В виду этого Никон решился опереться на авторитет восточных патриархов, и проводить свои реформы уже под их высшей санкцией так, чтобы они являлись выражением мысли и пониманием всей восточной православной церкви, а противление им, было бы противлением всей православной церкви. Что на православном востоке его реформы найдут полное одобрение и поддержку, в этом Никон не сомневался, так как он действовал в этом случае по совету и в духе греков, имел в виду русский чин и обряд привести в соответствие с современным греческим, чем он наносил смертельный удар

²² Что собор 1654 года возбуждал недоумения и в последующее время, это, между прочим, видно из того, что собор 1666 года, пред началом своих заседаний, счел нужным предварительно поставить такой вопрос: «собор, бывший в богоспасаемом преименитом царствующем великом граде Москве при благочестивейшем и богохранимом государе нашем и великом князе Алексее Михайловиче, всея в. и м. и б. России самодержце, и при святейшем Никоне патриархе, и царского пресветлого величества при всем его синклите, подписанный священными руками, как исповедати ныне нам долженствует, иже содеяся в царских палатах в лето от создания мира 7162, от по плоти же рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в лето 1654-е?». Уже самая нужда ставит подобный вопрос показывает, что в 1666 году, относительно собора 1654 года, в среде наших иерархов могли встретиться недоумения.

горделивым представлениям русских о своем всецелом религиозном превосходстве над современными греками, и снова возвращал русских к признанию ими авторитета греков в своих церковных делах.